

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б51

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Kerrigan Byrne

THE HIGHWAYMAN

Перевод с английского *Д. Д. Келер*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Берн, Керриган.

Б51 Разбойник : [роман] / Керриган Берн ; [перевод с английского Д. Д. Келер]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-120734-2

Когда-то, много лет назад, встретились в сиротском приюте и полюбили друг друга чистой детской любовью маленькая англичанка Фара и шотландский мальчик Дуган. Но жестокая судьба разлучила их...

Долгие годы Фара жила лишь памятью о прошедшем. Но однажды ее похитил знаменитый разбойник Дориан Блэквелл и без обиняков заявил девушке: она должна стать его женой, ибо таково было последнее желание его лучшего друга Дугана. Только так он может защитить Фару — и только вместе им удастся отомстить за гибель ее первой любви.

Брак ради мести? Фара согласна, ведь после гибели Дугана для любви ее сердце навеки закрыто. Но почему ей снова и снова кажется, будто в жестоком и бесстрашном преступнике проступают совсем иные черты, трогательные и милые, будто бы смутно знакомые?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-120734-2

© Kerrigan Byrne, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

*Шотландское нагорье, графство Аргайл
1855 год*

Кровь потекла по предплечьям Дугана Маккензи, когда он прислонился к древней каменной стене, отделявшей территорию приюта «Эплкросс» от диких гор. Больше никто из детей не осмеливался забредать сюда. Стена защищала покосившиеся, выцветшие надгробия, которые поднимались из толстого ковра мха и вереска, питавшихся костями мертвых.

Грудь Дугана тяжело вздымалась, и он на мгновение задержал дыхание, прежде чем соскользнуть вниз по стене и сесть, прижав к груди покрытые синяками ноги. Дуган осторожно раскрыл ладони, насколько позволила его израненная кожа. Теперь ему было еще больнее, чем когда в них впивался острый кончик хлыста. Мрачные чувства помогали удержаться от крика, когда сестра Маргарет пыталась сломить его, и до сих пор не давали слезам пролиться. Дуган встретился взглядом с ее холодными и яркими глазами, но не смог не моргнуть, когда хлыст снова и снова вонзался в его ладони, превращая красные рубцы в истекающие кровью раны.

— Скажи мне, почему ты плачешь?

Этот тихий голосок как будто совладал с резким ветром и превратил его в невидимую ленту, которая принесла к Дугану эти ласковые слова.

На фоне черных и зеленых горных вершин, выступавших из-за серых камней «Эплкросса», виднелась девоч-

ка, и стояла она к нему ближе чем в десяти дюймах. Вместо того чтобы сбить ее с ног, яростный ветер лишь подбрасывал и дразнил ее кудряшки — такие удивительно светлые, что казались серебристо-белыми. Бледные щеки разалелись от холода, а губы изогнулись в робкой улыбке.

— Убирайся! Отсюда! — прорычал Дуган и, спрятав изнывающие от боли руки под мышки, пнул комок грязи, который угодил в ее чистое черное платье.

— Ты тоже потерял семью? — спросила она с выражением любопытства и невинности на лице.

Дуган все еще был не в состоянии подбирать слова. Он вздрогнул, когда она поднесла к его лицу край своего белого фартука, но позволил ей очень осторожно вытереть слезы и грязь. Ее прикосновения были легки, как крылья бабочки, и так заворожили Дугана, что он перестал дрожать. Что ему ей сказать? Дуган никогда раньше не разговаривал с девочками. Он подумал, как ответить на ее вопрос. Он потерял мать, но сиротой не был. На самом деле большинство детей «Эпплкрасса» были не детьми, а страшными тайнами, спрятанными и забытыми, как те позорные ошибки, в результате которых они появились на свет.

Чьей тайной была она?

— Я видела, что тебе сделала сестра Маргарет, — ласково проговорила девочка, глаза ее светились жалостью.

От этой жалости в груди Дугана вспыхнул огонь унижения и беспомощности, и он отвернулся, чтобы избежать ее прикосновений.

— Я, кажется, велел тебе убраться отсюда.

Она заморгала.

— Но твои руки...

С диким рыком Дуган поднялся на ноги и замахнулся, чтобы не видеть больше жалости в ее ангельских глазах.

Она упала на копчик и закричала, съезжившись на земле у его ног.

Дуган замер, его лицо напряглось и запыхало, зубы оскалились, а тело изогнулось для удара.

Девочка просто смотрела на него в ужасе, не в силах отвести глаз от кровоточащей раны на его ладони.

— Убирайся отсюда! — рявкнул он.

Она отползла от него, с трудом поднялась на подгибающихся ногах и, обежав широкое пространство вокруг огороженного кладбища, скрылась в приюте.

Дуган сел, прислонившись спиной к камням, и прикоснулся к щеке дрожащими костяшками пальцев. Эта девчушка стала первым человеком в его жизни, притронувшимся к нему не для того, чтобы причинить боль. Дуган не понимал, почему нагрубил ей.

Он уткнулся лицом в колени и закрыл глаза, готовясь целиком отдаться горю. Ледяная влага на задней части его пылающей шеи приятно холодила, и он попытался сосредоточиться на этом ощущении, а не на жгучей боли в руках.

Не прошло и пяти жалких минут, как рядом с его ногами появилась миска с чистой водой. К ней тут же присоединилась чашка — на сей раз с жидкостью цвета карамели.

Измученный, Дуган поднял глаза и увидел, что девочка вернулась, только теперь она размахивала длинными, опасными на вид ножницами, а между ее бровей пролегла решительная морщинка.

— Дай я осмотрю твои руки, — попросила она.

Разве он не достаточно напугал ее? Дуган с подозрением посмотрел на ножницы. Они казались и гигантскими, и острыми в ее крохотной руке.

— А это еще зачем? — спросил он. — Для защиты? Или мести?

Его вопросы вызвали у нее щербатую улыбку, и его сердце, подскочив, приземлилось в животе.

— Не говори глупостей, — мягко укорила его она и, отложив ножницы, потянулась к его рукам.

Дуган отдернул их и, насупившись, спрятал за спину.

— Да будет тебе, — уговаривала девочка. — Покажи мне руки.

— Нет!

Она нахмурилась еще больше.

— Как мне лечить твои раны, если ты продолжаешь прятать их от меня?

— Ты не доктор, — выплюнул Дуган. — Оставь меня в покое.

— Мой отец был капитаном в Крыму, — терпеливо объяснила она. — На поле боя он лечил раны, чтобы те не гноились.

Это привлекло внимание Дугана.

— А он убивал людей? — не удержавшись, спросил он.

Девочка на мгновение задумалась над его вопросом.

— На его мундире было много медалей, так что, думаю, должно быть, убивал, хотя никогда не говорил об этом.

— Бьюсь об заклад, он использовал ружье, — проговорил Дуган, отвлекаясь от разговора на мысли, которые считал мужественными и взрослыми. На мысли о войне и славе.

— И еще штык, — с готовностью добавила девочка. — Я как-то раз даже потрогала его, когда он чистил свое оружие у камина.

— Расскажи мне, каким он был, — потребовал Дуган.

— Позволь мне полечить твои руки, тогда расскажу. — Устремленные на него глаза цвета штормового моря сверкнули.

— Что ж, хорошо. — Он очень осторожно вытащил руки из-за спины. — Но ты должна будешь начать с самого начала.

— Договорились, — торжественно кивнула она.

— И ничего не упускай.

— Не упущу. — Она подняла миску с водой.

Наклонившись вперед, Дуган протянул к ней руку ладонью вверх.

При виде истерзанной плоти девочка поморщилась, но бережно взяла его руку в свои, как человек взял бы птенца, и только потом потянулась к миске с водой, чтобы промыть раны.

Когда Дуган зарычал от боли, она начала описывать ему отцовское ружье. Как маленькие катушки соединяют-

ся вместе. Как щелкают рычаги. Пыль, зловоние и блеск черного пороха.

Она плеснула спиртного на его раны, и Дуган со свистом выдохнул сквозь зубы, дрожа от напряжения и желания отстранить от нее свои руки. Чтобы отвлечься от боли, он сосредоточил затуманенный взор на каплях воды, которые, словно бриллианты, сверкали на копне ее кудрей. Вместо того чтобы пропитать ее волосы, сделать их тяжелыми и прямыми, дождь, казалось, еще туже завил ее кудряшки и добавил серебристым прядям более темный блеск золотой канители. Ему так и хотелось потрогать кудряшки пальцем, покрутить и потянуть их, чтобы проверить, вернутся ли они на место. Но он держался абсолютно спокойно, пока она старательно бинтовала его ладони полосками своей нижней юбки.

— Скажи мне свое имя, — потребовал он хриплым шепотом.

— Меня зовут Фара. — Дуган понял, что его вопрос был ей приятен, потому что на ее щеке появилась крохотная ямочка. — Фара Ли. — Она резко замолчала, хмуро посмотрев на аккуратный узел, который только что завязала.

— Ну, — настороженно проговорил он, — Фара Ли, а дальше?

Ее глаза стали скорее серыми, чем зелеными, когда их взгляды встретились.

— Мне запретили называть свою фамилию, — ответила она. — Иначе я навлеку неприятности на себя и на человека, которому сказала ее, а, похоже, лишние неприятности тебе ни к чему.

Дуган кивнул. Нельзя сказать, чтобы здесь, в «Эппл-кроссе», в этом было что-то необычное.

— А я — Дуган из клана Маккензи, — гордо представился он. — И мне одиннадцать лет.

Его слова произвели на Фару должное впечатление, чем она снискала еще большее его расположение.

— А мне — восемь, — сообщила она. — А что же такого ты натворил?

— Я... стащил на кухне буханку хлеба.

Она, похоже, была потрясена.

— Я чертовски голоден все время, — пробормотал Дуган, заметив, что она вздрогнула от его брани. — Настолько голоден, что готов есть мох на этих скалах.

Завязав узелок на последней повязке, Фара откинулась назад, чтобы осмотреть свою работу.

— Слишком большое наказание за буханку хлеба, — печально заметила она. — От этих ран, наверное, останутся шрамы.

— Это уже не впервые, — признался Дуган, пожимая плечами более небрежно, чем ему хотелось. — Только обычно дело заканчивалось волдырями на заднице, и я предпочел бы именно это. Сестра Маргарет сказала, что я — демон.

— Дуган Демон. — Она улыбнулась, явно забавляясь.

— Уж лучше, чем Фея Ли. — Он усмехнулся, играя с ее именем.

— Фея? — Она сверкнула глазами. — Можешь меня так называть, если хочешь.

— Хорошо. — Губы Дугана растянулись, и мальчик поймал себя на том, что улыбался, наверное, впервые в жизни. — А как ты будешь звать меня?

— Друг, — мгновенно ответила Фара и, оттолкнувшись от влажной почвы, отряхнула землю с юбок, прежде чем поднять миску и чашку.

Грудь Дугана наполнилась необычным теплом. Он не знал, что сказать.

— Пойду-ка я лучше в дом. — Фара подставила свое маленькое личико дождю. — А то меня будут искать. — Когда их глаза снова встретились, она добавила: — Не сиди под дождем, а то насмерть простудишься.

Дуган смотрел ей вслед, преисполненный интереса и восхищения. Он наслаждался ощущением, что теперь в его жизни появился кто-то особенный, кого раньше не было никогда.

«Друг...»

— Эй! Дуган! — Громкий шепот так напугал Дугана, что он чуть из штанов не выпрыгнул. Он резко повернулся, готовый отразить удар кого-то из мальчишек, но тут вдруг увидел пару совиных глаз, сияющих в окружении завитков из лунных лучей. Ее остальная часть была искусно скрыта в тени висевшего в холле гобелена.

— Что ты тут делаешь? — спросил он. — Нас обоих высекут, если поймают.

— Вот ты где! — вызывающе воскликнула она.

— Ну... да. — Дуган пытался заполнить пустоту в желудке водой. Однако двумя часами позже, когда мальчик без сна метался в постели, он понял, что его план провалился. Хуже того, выяснилось, что кто-то спрятал ночной горшок, и Дугану пришлось отправиться на поиски уборной.

— А у меня кое-что для тебя есть. — Фара весело выскочила из-за гобелена и подхватила его под локоть, стараясь не задевать повязку на руке. — Иди за мной!

Дверь в конце коридора была слегка приоткрыта, и Фара, подтолкнув его вперед, бесшумно прикрыла за ними дверь. Одинокая свеча мерцала на одном из маленьких столиков, отблески ее света плясали на стенах, заставленных исключительно книжными шкафами.

Дуган поморщился. Библиотека? С какой стати она привела его сюда? Он всегда избегал этой комнаты. Здесь было пыльно, пахло плесенью и старыми людьми.

Потянув Дугана к столику со свечой, Фара указала ему на стул, придвинутый к открытой книге.

— Садись сюда! — К этому моменту девочка едва не дрожала от возбуждения.

— Нет! — Дуган нахмурился, взглянув на книгу, его любопытство гасло. — Я иду спать

— Но...

— И тебе следует сделать то же самое, пока они не поймали тебя и не содрали с тебя шкуру.

Сунув руку в карман фартука, Фара вынула что-то завернутое в льняную салфетку. Развернув ее, девочка по-

казала Дугану недоеденный кусок сыра, немного пересохшего жаркого и большую горбушку хлеба.

Рот Дугана тут же наполнился слюной, и он изо всех сил старался не выхватить у нее еду.

— Я не смогла доестъ это за ужином, — сказала Фара.

Дуган набросился на ее дар, как дикарь, и сначала схватил горбушку, так как знал, что хлеб лучше всего дает чувство насыщения. Он слышал, как после каждого проглоченного куска из глубины его горла вырываются рычащие звуки, но ему было наплевать.

Когда Фара снова заговорила, ее голос был полон слез.

— Дорогой друг... — Ее маленькая ручка прижалась к его сгорбленной спине и утешающе похлопала по ней. — Я больше не позволю тебе голодать, обещаю!

Наблюдая за тем, как Фара потянулась к книге, Дуган засунул в рот большой кусок жаркого, который едва поместился внутри.

— Че это такое? — спросил он с набитым ртом.

Она разложила свои маленькие ручки на раскрытой книге, осторожно разгладила страницы и подтолкнула том к Дугану.

— Мне было не по себе из-за того, что днем я совсем немного знала о ружьях, поэтому весь вечер я искала, и вот, смотри, что нашла! — Она ткнула своим крохотным пальчиком рядом с изображением длинной винтовки Энфилда. Под ним были картинки поменьше, с изображением частей разобранного оружия. — Это образец 1851 года, — сообщила Фара. — И смотри! Вот и штыки. В следующей главе рассказывается о том, как их изготавливают и как они крепятся к верхушке... Что? — Девочка наконец посмотрела на Дугана, и что-то в выражении его лица заставило ее залиться краской.

Дуган уже почти забыл о еде, потому что все его тело наполнилось самым сильным и восхитительным ощущением, какое он когда-либо испытывал. Это было что-то вроде голода и вроде насыщения. Изумление и благоговение, тоска и страх, заключенные в нежном блаженстве.

Оно заполняло его грудь, пока не добралось до легких и не вытеснило из них весь воздух.

Дуган поймал себя на мысли, что ему хочется найти подходящее слово для этого ощущения. Может, такое слово и было, затерянное где-то в этих бесчисленных томах, которые он никогда не открывал.

Фара вернулась к книге и, откашлявшись, вновь заговорила:

— Смотри, прямо под картинкой каждой детали написано ее название.

— Откуда ты знаешь? — Дуган опустил глаза на значки под картинками, на которые она указывала, но они для него были бессмысленными.

— Так вот же, тут все написано, — сказала Фара. — Ты не умеешь читать?

Нарушая тишину, Дуган отломил кусок сыра, сунул его в рот и принялся яростно жевать.

— Тебя что, никто не учил этому? — догадалась Фара.

Не обратив внимания на ее вопрос, Дуган покончил с горбушкой хлеба, опустив глаза на картинки и изнывая от желания узнать, что же там было написано.

— А ты... ты сможешь прочесть мне эти надписи, Фея?

— Конечно, смогу! — Фара наклонилась вперед, стоя на стуле на коленях, потому что стол был слишком высок для нее и она не могла смотреть на страницы книги сидя. — Но только завтра, когда мы тут встретимся, я научу тебя читать самостоятельно.

Впервые в жизни испытав ощущение сытости и удовлетворения, Дуган стал указывать ей на картинки, а Фара рассказывала ему, что под ними написано, пока он, смакуя, доедал последние крошки сыра.

К тому времени, когда они добрались до главы о штыхах, голова Фары упала ему на плечо, и так они и сидели, склонившись к своей книге и свече. Дуган неутомимо тыкал одним пальцем в картинку за картинкой, а другой его палец добрался до одного из ее локонов, лениво распрямил его, а потом позволил ему отскочить на место.

— Вот что я думаю, — промолвил он через некоторое время, когда Фара замолчала, сонно зевая. — Поскольку у тебя нет семьи и тебе некого любить, ты могла бы полюбить меня... — Вместо того чтобы посмотреть Фаре в глаза, Дуган разглядывал белоснежную повязку, сделанную из полосок ее юбки, на фоне которой его рука казалась еще грязнее. — Если, конечно, ты этого захочешь, — добавил он.

Фара зарылась лицом в его шею и вздохнула; она моргала, а ее ресницы касались его нежной кожи.

— Конечно, я буду тебя любить, Дуган Маккензи, — с легкостью приняла она его предложение. — А кто же еще, если не я?

— Никто, — серьезно отозвался он.

— А ты попробуешь тоже полюбить меня? — тихо спросила она.

Дуган задумался.

— Попробую, Фея, но я еще никогда никого не любил.

— Этому я тебя тоже научу, — пообещала Фара. — Сразу после того, как научу читать. Любовь очень похожа на чтение, мне кажется. Как только ты поймешь, как любить, то уже и представить себе не сможешь, как не делать этого.

Дуган лишь кивнул в ответ, потому что его горло пылало. Он обнял свою собственную Фею, наслаждаясь тем, что наконец-то у него появилось что-то хорошее и никто не сможет это у него отнять.

Дуган много узнал о себе за эти два блаженных года, проведенных с его Феей. А именно, что когда он любил, то любил безгранично. Даже одержимо.

Фара поведала ему, что ее отец заразился холерой, навещая друга в госпитале, и принес это заболевание в их дом. Старшая сестра Фары Фэй Мари умерла первой; вскоре за ней последовали их родители.

Дуган рассказал Фаре, что его мать служила горничной в доме лэрда Маккензи. Она родила лэрду очередного внебрачного сына, он жил с ней около четырех лет, пока ее не убил другой любовник.

Еще в раннем детстве Дуган понял, что у него есть особенность, отличавшая его от других людей, а именно — он запоминал все. Он помнил даже разговоры, которые они с его Феей вели через год, и представлял, как шокирует и обрадует ее, напомнив ей о каком-нибудь из них.

— Я совсем забыла об этом! — скажет она.

— А я никогда не забываю, — похвастается он.

Эта способность позволила ему на лету схватывать знания, и он быстро превзошел ее навыки чтения. Однако Дуган всегда внимательно прислушивался к урокам Фары, даже когда ему этого не хотелось. К тому же она выбирала книжки, которые могли его заинтересовать: о кораблях, пушках и череде исторических войн, начиная от римлян и заканчивая Наполеоном. Особой любовью Дугана пользовались истории о пиратах.

— Как ты думаешь, я смогу когда-нибудь стать хорошим морским разбойником? — спросил он однажды с полным ртом печенья, которое она принесла ему в качестве особого угощения.

— Нет, конечно, — терпеливо ответила Фара. — Пираты — злые воры и убийцы. К тому же они не пускают на свои пиратские корабли девушек. — Она посмотрела на него увлажнившимися, испуганными глазами. — Ты бросишь меня, чтобы заняться морским разбоем?

Дуган привлек ее к себе.

— Я никогда не оставляю тебя, Фея! — истово поклялся он.

— Правда? — Ее глаза обрели цвет грозовой тучи, угрожающей разразиться дождем. — Даже для того, чтобы стать пиратом?

— Обещаю! — Дуган откусил кусок печенья и улыбнулся ей с набитыми щеками, прежде чем вновь вернуться к книге. — Хотя я мог бы стать разбойником с большой дороги. Разбойники очень похожи на пиратов, только на суше.

Немного подумав, Фара кивнула.

— Да, думаю, тебе больше подошла бы жизнь разбойника, — согласилась она.

— Да, Фея, а тебе придется свыкнуться с мыслью о том, что ты — жена разбойника с большой дороги.

Девочка захлопала в ладоши и восхищенно посмотрела на него.

— Звучит как обещание приключения! — воскликнула она. Но потом ее лицо посерьезнело, словно она вспомнила нечто особенно неприятное.

— Что такое? — встревожился Дуган.

— Только... Мне кажется, я должна выйти замуж за кого-то другого, — призналась Фара.

— За кого? — прорычал Дуган, встряхнув ее за хрупкие плечи.

— За мистера Уоррингтона. — Она продолжила, увидев гнев и недоумение в его глазах: — Он... он работал с моим отцом, и это он оставил меня здесь. Мистер Уоррингтон сказал, что, когда я стану женщиной, он приедет за мной и мы должны будем пожениться.

Холодное отчаяние пробралось в его кровь.

— Ты не можешь выйти замуж за другого, Фея! Ты принадлежишь мне! Только мне!

— Так что же нам делать? — разволновавшись, спросила Фара.

Дуган лихорадочно размышлял, пока они дрожали, прижавшись друг к другу в скучной библиотеке, потому что угроза будущей разлуки свела их еще ближе. Внезапно его осенила гениальная идея.

— Иди спать, Фея! А завтра вечером, вместо встречи здесь, в библиотеке, давай встретимся в ризнице.

Дуган ждал Фару в ризнице с единственным предметом, напоминавшим ему о семье: с обрывком пледа клана Маккензи*. Он помылся, отскреб с себя грязь и расчесал спутавшиеся черные волосы, прежде чем перехватить их шнурком на затылке.

* У шотландцев плед с определенным рисунком служит основным признаком принадлежности к какому-то клану. — *Здесь и далее примеч.пер.*

Непокорные кудри Фары появились из-за тяжелых дверей часовни, и когда она заметила Дугана, стоявшего у алтаря, освещенного одинокой свечой, сияние ее улыбки осветило ей путь по проходу. Фара надела простую белую ночную рубашку, которая бесконечно ему нравилась, и при каждом ее шаге из-под длинного подола показывались ее босые ножки.

Дуган протянул ей руку, и она без раздумья взяла ее.

— Ты отлично выглядишь, — прошептала Фара. — А что мы тут делаем, Дуган?

— Я пришел сюда, чтобы жениться на тебе, — пробормотал он.

— Да ты что? — Она с любопытством огляделась по сторонам. — Без священника?

— Нам в горной стране священники не нужны, — проговорил он с легкой усмешкой. — Наши браки благословляются многими богами, а не одним. И они приходят, когда мы их просим, а не когда к ним обращается священник.

— Звучит еще лучше, — согласилась Фара, с воодушевлением кивая головой.

Они встали на колени лицом друг к другу перед алтарем, и Дуган обернул обрывком выцветшего пледа их соединенные правые руки.

— Просто повторяй за мной, Фея, — пробормотал он.

— Хорошо.

Фара подняла на него свои глаза, и он ощутил прилив такой сильной и неистовой любви, которая, казалось, была неуместна в этой святой комнате.

Дуган начал магический обряд, за которым когда-то ребенком наблюдал из-за материнских юбок:

Ты кровь от крови моей и кость от кости моей,
Я тело свое отдаю тебе, чтобы мы двое могли стать одним,

И душу свою отдаю тебе до конца наших дней*.

* Традиционная кельтская свадебная клятва.